

341
К-308-км (I)

Проверено 1976 г.

КУРСЪ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА,

Профессора Д. Каченовскаго.

Ratio, ipsa, inquam, ratio est juris gentium anima.

Bynkershoek, *Quaestionum juris publici*, L. 1, c. 2.

86
Проверено 1958 г.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Фундаментальная библиотека

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

802806
W1028
mp92

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1863.

Проверено
2002
ВРК

341

K-308-Km (I)

ХАРКІВ

МІСЬКА ДРУКАРНІЦЯ

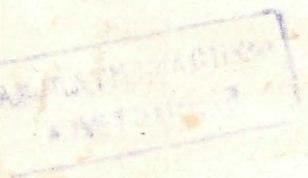
Професоръ М. Максимовичъ

Одобрено къ напечатанію. Харьковъ, 5 Ноября, 1862 года.

208508

ХАРКІВ

ХАРКІВ

Міська Друкарниця

1862

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Извѣстно, что Россія, не смотря на тысячелѣтнее свое существованіе, вступила въ международный союзъ только со временъ Петра Великаго. До конца XVII вѣка мы избѣгали постоянныхъ сношеній съ Европою и вели жизнь одинокую. Политическая система запада устроилась первоначально безъ нашего вліянія и участія. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы русскій народъ добровольно обрекъ себя на отчужденіе отъ міра: оно зависѣло больше всего отъ внѣшнихъ причинъ и тяготѣло надъ нами, какъ законъ, предписанный обстоятельствами. Въ самомъ дѣлѣ, Россія, по своему положенію, удалена отъ всемірныхъ дорогъ; на нее можно смотрѣть какъ на особую, мало доступную для другихъ народовъ, часть свѣта. Причины, почему западная Европа сдѣлалась центромъ гражданственности и международныхъ связей, понятны. Тамъ все благопріятствуетъ общественному развитію и влечетъ людей другъ къ другу. Западный материкъ не такъ обширенъ, какъ восточный, имѣетъ

безчисленные выходы къ морю, удобные заливы и бухты, окруженъ почти со всѣхъ сторонъ островами, пользуется умѣреннымъ и здоровымъ климатомъ. На томъ материкѣ издавна поселились племена, сходныя по происхожденію, нравамъ и обычаямъ, воспитанныя среди памятниковъ и преданій римскаго владычества, приготовленныя вѣками къ сознанію общихъ интересовъ и потребностей. Напротивъ, въ Россіи гражданственность встрѣчала на каждомъ шагу отпоръ и преграды; въ борьбѣ съ ними человѣкъ долженъ былъ принести гораздо больше жертвъ и энергіи. Здѣсь народонаселеніе разрознено необозримыми пространствами земли, отрѣзано отъ удобныхъ морей, отдапо въ добычу суровому климату, заброшено въ пустынные или холодные края и оставлено почти безъ всякихъ средствъ къ сообщенію кромѣ зимняго пути. У насъ мало такихъ рѣкъ, которыя протекаютъ черезъ области другихъ государствъ, или имѣютъ виѣшнее устье; устройство и содержаніе хорошихъ дорогъ требуетъ огромныхъ издержекъ; провести каналы не такъ удобно, какъ въ Англіи, во Франціи, или въ Италіи. Мы и не видѣли надобности, по крайней мѣрѣ въ старину, облегчить себѣ проѣздъ за границу или къ своимъ отдаленнымъ областямъ. Народъ русскій нашель у себя дома всѣ средства къ удовлетворенію первоначальныхъ или насущныхъ потребностей; притомъ же невѣжество, внутренняя борьба и чужеземное иго заставили московское государство надолго уединиться. Да и съ кѣмъ могли

бы мы завести торговыя и политическія связи? Насъ окружали татары и турки, поляки и шведы, которые рѣдко съ нами ладили, а все думали о томъ, какъ-бы запереть насъ или отодвинуть отъ себя подальше. Съ паденіемъ Новгорода и Пскова мы сдѣлались чуждыми Ганзѣ; сношенія съ англичанами черезъ Архангельскъ, скованныя льдами, шли вяло и не могли развиваться; самая же удобная дорога въ южную и западную Европу—Черное море—находилась въ чужихъ рукахъ. Такимъ образомъ старая Русь почти не имѣла понятія о выгодахъ промышленнаго и умственнаго обмѣна съ иностранными народами и вовсе не участвовала въ томъ всемірно-гражданскомъ движеніи, которое началось на Средиземномъ морѣ еще въ средніе вѣка и, постепенно обнимая западную Европу, Америку и Восточную Индію, проникло въ самыя дальнія части земли. Единственными задачами нашей вѣдшей политики до Петра были войны и временныя союзы или перемирія съ *опичными* врагами. Живя среди безпокойныхъ и грозныхъ сосѣдей, мы привыкли смотрѣть на всѣ человѣческія племена подозрительно: они казались намъ басурманами, нехристами, невѣрными. Путешественники посѣщали Россію рѣдко; еще рѣже пріѣзжали къ намъ посольства. Правда, цари московскіе охотно давали привилегіи купцамъ и честили гостей, но наше радушіе не манило къ себѣ иностранцевъ. Они боялись незнакомой и отдаленной Московіи, находили для себя стѣснительными и неудобными ея обычаи, и только съ XVII вѣка стали у насъ поселяться.

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы русскіе, подобно дикарямъ или закоснѣлымъ фанатикамъ, имѣли противупобщественный характеръ. Чуждаясь иноплеменниковъ, нашъ народъ никогда не поднималъ на нихъ истребительной войны или поголовнаго преслѣдованія. Мы имѣли даже понятія о международномъ правѣ, конечно, отрывочныя, но довольно опредѣленныя и очень близкія къ тогдашнимъ европейскимъ понятіямъ. Татарское иго не заразило насъ татарскими военными обычаями и азіатскою враждою къ человѣчеству. Напрасно нѣкоторые публицисты запада приписываютъ русскому народу систематическое стремленіе ко всемірному владычеству. Если изучать исторію безпристрастно, — въ этомъ трудно убѣдиться. Напротивъ, можно привести безчисленные факты въ доказательство того, что мирныя промышленныя занятія нашъ народъ всегда считалъ своимъ естественнымъ призваніемъ и не смотрѣлъ на войну, какъ на любимое ремесло. Храбрый и неодолимый при защитѣ своей страны, онъ шелъ покорять чужую не по собственному влеченію, а страдательно, по привычкѣ повиноваться, и дѣйствовалъ не съ такимъ успѣхомъ при виѣшнихъ завоеваніяхъ, какъ противъ собственныхъ завоевателей. Христіанскія чувства къ плѣннымъ и побѣжденнымъ были ему знакомы не меньше, чѣмъ всякому другому народу. Самымъ заклятымъ врагамъ онъ давалъ пощаду, если только не былъ вызванъ къ мести кровными обидами, или настроенъ къ жестокости своими полководцами. Вообще войны, веденныя на

чѣмъ серьезно; войны велись апатически, или бессознательно. Только внѣшнее нападеніе возбуждало общій энтузіазмъ въ русскомъ народѣ, да старая вражда противъ поляковъ, шведовъ и турокъ не умолкала. На - счетъ этихъ, когда-то страшныхъ сосѣдей, сдѣланы, въ продолженіи XVIII вѣка, все наши завоеванія въ Европѣ. Большею частью они были направлены къ тому, чтобы обезпечить внѣшнія границы, или открыть русскому народу выходъ къ морю. Такъ мы приобрѣли Остѣ-Зейскія провинціи и Финляндію: онѣ вошли въ составъ имперіи, сохранивъ свои законы и національныя привилегіи. Только борьба съ Польшею имѣла безпощадный характеръ; но сюда примѣшались территоріальныя притязанія и споры, которыхъ къ несчастію нельзя было рѣшить иначе, какъ силою. Сначала одолѣла одна сторона, потомъ другая, и побѣда въ обоихъ случаяхъ сопровождалась достойными вѣчнаго сожалѣнія жестокостями. Напротивъ, въ Азіи наше владычество расширялось послѣдовательно и систематически; здѣсь мы встрѣчали предъ собою или дикія орды, или незаселенныя земли, и дѣйствовали не столько оружіемъ, сколько просвѣщеніемъ и колонизаціею. Сибирь покорилась намъ въ слѣдствіе перевѣса русской гражданственности надъ варварствомъ татаръ и патриархальнымъ бытомъ номадовъ. Почти то же можно сказать о Кавказѣ: война въ этомъ краю была завоевательною войною только при началѣ и сдѣлалась оборонительною съ подданствомъ Грузіи.

что Россія могла обновиться только русскими, что пришельцы заботились исключительно о своей пользѣ, что даже тѣ изъ нихъ, которые служили имперіи честно, не видѣли, какія политическія задачи къ намъ ближе и для насъ важнѣе. При Елисаветѣ національный элементъ впервые обнаруживаетъ свою силу въ министерствѣ или коллегіи иностранныхъ дѣлъ; при Екатеринѣ русская дипломатія уже приобретаетъ самостоятельность и дѣйствуетъ очень успѣшно. Лучшимъ ея памятникомъ признается вооруженный нейтралитетъ: онъ доказываетъ, что международное право къ концу XVIII столѣтія сдѣлалось вполне доступнымъ и понятнымъ для нашихъ государственныхъ людей.

Но отъ искусства еще далеко до науки. Исторія показываетъ, что способные дипломаты вездѣ явились гораздо раньше, чѣмъ просвѣщенные публицисты. Государственная служба долго остается единственною школою для изученія международныхъ вопросовъ; знанія здѣсь приобретаются только личнымъ опытомъ и преданіемъ; смысленность, природная находчивость и политическій тактъ цѣнятся выше всего; свѣтское образованіе, самое поверхностное, замѣняетъ основательную подготовку къ должностямъ. Въ рукахъ дипломатовъ - рутинистовъ однообразныя начала внѣшней политики вырабатываются медленно. Случайныя, мѣстные и чисто династическія интересы сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе практиковъ.

По тѣмъ-же причинамъ замедлилась научная обработка между-

народнаго права въ Россіи. Наше правительство, находя всегда за границею людей готовыхъ служить ему, не считало нужнымъ открыть средства къ дипломатическому образованію своихъ подданныхъ. Правда, молодое дворянство было расположено служить въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но видѣло въ этой службѣ болѣе почетную, чѣмъ дѣловую карьеру, и слѣдовательно не слишкомъ заботилось вооружить себя свѣдѣніями въ государственныхъ наукахъ. Что-же касается до дипломатическихъ фигурантовъ, у насъ въ нихъ никогда не было недостатка. Языкознаніемъ мы издавна отличались; свѣтскій лоскъ и щеголеватая манеры усвоили себѣ въ совершенствѣ; о вопросахъ политическихъ судили свободно, непринужденно. За-тѣмъ, кто желалъ пріобрѣсти практической навыкъ въ дипломатіи, опредѣлялся при посольствѣ, въ качествѣ *attaché*. На этихъ мѣстахъ можно было учиться, чему угодно, и жить весело, не давая никому отчета въ своихъ занятіяхъ. Наконецъ, когда молодой человекъ усовершенствовался, его повышали въ секретари, изъ секретарей производили въ совѣтники посольства, изъ совѣтниковъ въ повѣренные по дѣламъ, а если онъ былъ очень богатъ, — и въ посланники. Вообще министерство иностранныхъ дѣлъ какъ у насъ, такъ и на западѣ Европы, было учрежденіемъ аристократическимъ, доступнымъ только для избранныхъ фамилій. Способные люди имѣли здѣсь ходъ не иначе, какъ подъ условіемъ знатнаго происхожденія и сильныхъ связей. Между тѣмъ рабочія руки вездѣ

КУРСЪ
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

КУРСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Ч А С Т Ъ О Б Щ А Я.

ОТДѢЛЪ I.

ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ СИСТЕМѢ ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

Литература. Наука международного права построена, по мысли Бэкона, въ первой половинѣ XVII столѣтія и слѣд. есть наука новая. Ея составныя части и границы до сихъ поръ подвижны и не опредѣлены рѣзкими чертами. Юристы трудились надъ нею, повинувась болѣе требованіямъ практической жизни, чѣмъ строгимъ указаніямъ систематики. У Гуго Гроція, наприм., мы находимъ самыя отрывочныя и легкія замѣтки о сущности и объемѣ этой науки (см. введеніе къ трактату о войнѣ и мирѣ). Ближайшіе его преемники были слишкомъ шатки, чтобы наполнить оставленный имъ пробѣлъ; ихъ изслѣдованія имѣли не столько юридическій, сколько философскій характеръ. Изъ всѣхъ

писателей этого времени только у Рахеля замѣтны ясныя и точныя понятія о международномъ правовѣдѣніи. Его диссертациі *de jure naturæ et gentium*, 1667 — 96, заслуживаютъ вниманія. Еще смѣлѣе высказалъ критическій взглядъ на эту науку геніальный Бенкерсгукъ въ своихъ «вопросахъ публичнаго права» и въ трактатѣ «о подсудности пословъ». Но Рахель и Бенкерсгукъ не приобрѣли большаго вліянія на современниковъ. Только къ концу XVIII столѣтія международное право была раскрыто глубже и обработано основательнѣе. Въ это время вышли монографіи барона Омштеды (*Literatur des Völkerrechts*, 1785), Г. Ф. Мартенса (*von der Existenz eines positiven Völkerrechts*, 1797) и Д. Мэкинтоша (*discourse on the law of nature and of nations*, 1799, послѣднее изд. 1838, Edinb., франц. переводъ Ройе-Коллара), труды, которые и теперь не утратили своей цѣны. Въ XIX вѣкѣ въ Германіи явилась цѣлая школа критиковъ международнаго права. Во главѣ ея можно поставить Кальтенборна. Его книга (*Kritik des Völkerrechts*, 1847) подала поводъ къ длинному словопренію и тяжелымъ изслѣдованіямъ Пюттера, Бульмеринка и другихъ, но отъ этой бесплодной и загадочной полемики наука очень мало выиграла. Между всѣми нѣмцами юристами одинъ Моль дѣйствительно высказалъ вполне самостоятельный взглядъ на международное право и предложилъ новый планъ его обработки (см. *Staatsrecht, Völkerrecht und Politik*, 1860, 1, 579—636). Напротивъ, представителемъ консервативной школы можно признать Редди. Его книга: *Inquiries in international law*, Edinb. 1851, достойна вниманія. Къ сожалѣнію, она написана съ затаенною цѣлью (въ защиту Англіи) и полна софизмовъ. Наконецъ

вопросъ о народности, поднятый въ самое послѣднее время, обѣщаетъ наукѣ свѣжіе и богатые плоды. Нѣкоторые писатели, напр. Манчини (*della nationalita, come fondamento del dritto delle genti, Torino, 1851*) и Маміани (*d'un nuovo dritto Europeo, 1859*), увлекаясь современными идеями, высказали намѣреніе ее перестроить, но защищаемыя ими начала еще требуютъ строгой повѣрки.—Исчисливъ лучшія сочиненія по этому отдѣлу, не будемъ пока входить въ библиографическія подробности: онѣ найдутъ мѣсто въ исторіи науки. Мы видимъ по крайней мѣрѣ, что она не перестаетъ развиваться и совершенствоваться. Это движеніе — хорошій признакъ. Среди практическаго прогресса застой въ наукѣ равносильнъ упадку. Но, разумѣется, нельзя искать въ международномъ правовѣдѣніи полной округленности и законченности именно теперь, когда оно испытываетъ критическую ломку. Для твердости науки достаточно, если первоначальные способы ея построенія сохраняются въ главныхъ чертахъ: они и не могутъ быть тронуты, на-сколько зависятъ отъ сущности предмета и отъ качества матеріаловъ. Съ этой стороны, какъ мы сейчасъ замѣтимъ, наука международнаго права стоитъ крѣпко; въ ней держатся преданія непоколебимыя; лучшіе ея двигатели въ основныхъ взглядахъ всегда были согласны. Для примѣра и сравненія сошлемся на руководства, изданныя въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Съ особенною подробностью значеніе науки раскрыто въ сочиненіяхъ Гюнтера, Мартенса, Шмельцинга, Геффтера, Витона, Пандо и Твисса.